

МИРОВАЯ ЭКОНОМИКА

А.А. МАЛЬЦЕВ

доктор экономических наук, профессор,
ведущий научный сотрудник ФГБУН Институт экономики УрО РАН

ГЛОБАЛЬНЫЕ МЕТА-РИСКИ В ПОСТКОВИДНУЮ ЭРУ

В условиях развернувшейся в экономической литературе дискуссии о деглобализации, которую активизировало наметившееся с начала 2010-х годов торможение глобализационных процессов, предпринята попытка систематизировать ключевые вызовы для мировой экономики на современном этапе. Выделены три укрупненных блока глобальных мета-рисков: расцвет протекционизма, геополитическая неопределенность, вызовы цифровизации. Их рассмотрение строилось по схеме структурирования возникающих при этом последствий для и от деятельности глобальных цепочек создания стоимости (ГЦС). Сделан главный вывод о том, что наша сегодняшняя действительность остается «миром созависимостей».

Ключевые слова: геополитическая неопределенность, глобальные мета-риски, глобальные цепочки создания стоимости, диджитализация мирового хозяйства, технологический протекционизм.

УДК: 339.9

EDN: UXTQTU

DOI: 10.52180/2073-6487_2024_1_124_137

Введение

В последние годы в экономической литературе все чаще используется категория «мета-риски», под которыми в отличие, например, от явных финансовых рисков понимаются скрытые качественные риски, в большинстве своем являющиеся следствием комплекса взаимодействий индивидов и организационных структур. Для мировой экономики главным риском выступает возможное ее замедление или даже рецессия со всеми вытекающими отсюда политическими, экономическими, социальными и другими негативными последствиями. Триггерами в данном случае могут выступить экзо- (пандемия, крупные природные катаклизмы, пр.), а также эндогенные (действия правительств, др.) обстоятельства или их взаимоналожение. В силу трудной

предсказуемости «ускорителей» угроз мировому хозяйству, несущих риски, предлагаем сосредоточиться на трех группах отчетливо просматривающихся на начало 2020-х годов вызовов для глобальной экономики и рассмотреть их в разрезе последствий для и от деятельности важнейших ее акторов – ГЦС, роль которых достаточно широко освещена в экономической литературе.

Расцвет протекционизма

Первый блок геэкономических мета-угроз глобализации, чреватых всевозможными рисками, на наш взгляд, можно определить как расцвет протекционизма в самом разном его исполнении. В стремлении удержать свои лидирующие позиции гегемон(ы) все чаще переходят от практики стандартного «ломового» тарифного принуждения (всего за пять лет средневзвешенная среднемировая ставка тарифа более чем удвоилась, взлетев в 2022 г. до 12,7% [1, с. 22]) к его подкреплению все более изощренными санкциями, применяемыми против «идущих не в ногу». При этом, видимо для острастки, «под раздачу» время от времени попадают и «свои», оказавшиеся в роли «штрафников». Например, еще в 2014 г. BNP (между прочим второй по активам банк Европы после HSBC) заплатил США штраф девять млрд долл. за финансирование экспорта из Кубы, Судана и Ирана, находившихся под американским эмбарго [2, с. 15]. Понятно, что инициаторами в таких случаях формально выступают не ГЦС, а защищающие интересы их головных структур государства. Как известно, эти инициативы далеко не всегда действенны (хотя, бесспорно, болезненно чувствительны для стран-мишеней) и иногда приносят обратный результат. Так, итоги двусторонней сделки, навязанной Китаю администрацией Д. Трампа, даже в самих США названы «исторической катастрофой». В частности, американо-китайский товарооборот за один 2021 г. вырос на 30%, при этом дефицит бюджета США увеличился на 14,5% – до 355,3 млрд долл. Уместно напомнить, что, развязывая торговую войну с КНР, Д. Трамп в 2018 г. разово поднял тариф с 2,6 до 16,6% на 12 043 китайских товаров на сумму 303 млрд долл., увеличив средневзвешенную ставку американского тарифа за годы своего правления с 1,7 до 5,4% [3, с. 63]. В конечном итоге торговая политика Д. Трампа обернулась американским потребителям в 3,2 млрд долл. ежемесячных потерь [4, с. 85].

В контексте нашего исследования обратим внимание на один аспект данной проблемы – на последствия «выталкивания» иностранных фирм-конкурентов из глобальных цепочек лишением их доступа к новейшим технологиям и ноу-хау. Для ГЦС главную угрозу в таком случае будет представлять каскадное нарастание технологических ограничений в периметре цепочки. Побуждение к замещению иностран-

ных партнеров внутренним производством ограничивает возможности «своих» производителей в доступе к услугам, операционным системам, нематериальным активам для проведения НИОКР. Это наглядно проявилось в многочисленных конфликтных ситуациях вокруг деятельности акторов ГЦС, возникавших не только между США и КНР, но и в отношениях Японии и Республики Корея, КНР и Австралии, пр. В попытках добиться самообеспечения риски экономического и технологического разъединения, скорее всего, виделись преодолимыми, порождая парадокс «самости» (“a self-reliance paradox”) [5, p. 140]. Хотя экспертами неоднократно доказано, что в мире нет ни одного полностью самодостаточного региона. Даже администрации Д. Байдена в первом докладе по вопросам политики в отношении ГЦС в июне 2021 г. пришлось признать, что организация внутреннего производства всех важнейших товаров является невозможной и нежелательной [6].

Главный риск от «ограничительных» инициатив для ГЦС будет представлять возможный технологический декаплинг¹, наступление которого приближают торгово-технологические войны. Их подпитывают достаточно дискуссионные предположения о неизбежности «ловушки Фукидида» в период перехода первенства к новому международному гегемону, а также атмосфера высокого взаимного недоверия, неопределенности и военные столкновения. В этой концепции экономические и технологические преимущества легко трансформируются в военное могущество и силовые формы давления. Такие стратегии, обнуляющие преимущества международного разделения труда, только разгоняют гипернационалистические инициативы по поддержке «своего» бизнеса и обостряют геополитические и геоэкономические риски [5, p. 137]. По имеющимся оценкам экспертов, уже в 2021 г. технологическая фрагментация для многих стран оборачивалась потерей до 5% ВВП [7, p. 39].

Масштабный трансфер технологий изначально породил два взаимосвязанных вопроса, остающихся постоянным предметом дискуссии: 1) должны ли развитые страны опасаться передачи технологий менее развитым государствам; 2) не подорвет ли диффузия технологий будущее глобализации. Так, на середину 2000-х годов пришелся апогей дискуссии почти 90-летнего П. Самуэльсона и 70-летнего Дж. Бхагвати о масштабных последствиях передачи американскими компаниями менее развитым странам технологий для организации производства и экспорта технологичной продукции. Нобелиат допустил теоретическую возможность и на тщательно выверенном цифровом примере

¹ Речь идет о концепции «расцепления» (“decoupling”), которая стала активно использоваться в научной литературе в 2018-2019 гг. на фоне обострения американо-китайских экономических отношений [5, p. XXIX].

показал, как рост производительности труда в Китае на основе офшорных технологий может полностью уничтожить американо-китайскую торговлю [8]. Дж. Бхагвати с коллегами возражали, что это исключительно теоретическое предположение, тогда как передача Китаю технологий, напротив, увеличит количество торгуемых позиций, способствуя росту общего благосостояния [9]. Позднее другие исследователи подтвердили, что данные об ухудшении условий торговли для США с трансфером технологий за рубеж отсутствуют [10].

Процесс распространения новых технологий едва ли реально остановить. Вот затормозит его активизацией технологического протекционизма, например под предлогом защиты интеллектуальной собственности (ИС), возможно. Кстати, исследователи ОЭСР признали, что с 2000-х годов для ГЦС определяющим фактором при решении вопроса о размещении своих звеньев в развивающихся странах, является уровень защиты ИС (№ 2 в этой иерархии – развитость и доступность инфраструктуры, № 3 – качество институтов, № 4 – удобство логистики) [11]. При ненадлежащем уровне защиты ИС многонациональные корпорации (МНК), как правило, не выпускают свою интеллектуальную собственность за периметр компании, предпочитая при выборе зарубежной площадки в такой ситуации открывать филиалы. Принято считать, что участие в ГЦС может способствовать индустриализации менее развитых стран сокращением набора тех компетенций, которые необходимы для организации производства и экспорта готовой продукции. Однако усложнение производственных задач, решаемых в рамках ГЦС, в сочетании с селективным трансфером продвинутых технологий, может ограничить участие развивающихся стран специализацией на выпуске менее технологически сложной продукции с небольшой добавленной стоимостью, а в сочетании с применением инструментов тарифной эскалации – едва ли не обнулить потенциальный выигрыш от участия в ГЦС [12, р. 13]. Трудно не согласиться с выводом специалистов McKinsey Global Institute, отмечающих смещение цели торговой политики в современной мировой практике «от защиты значительных массивов рабочих мест к захвату или удержанию под контролем знаниеемких (knowledge-intensive) отраслей экономики с высокой добавленной стоимостью» [13, р. 29] или, что, пожалуй, даже точнее, «в торможении экономической динамики и технологического развития своих конкурентов» [14, с. 21].

Геополитическая неопределенность

Бизнес, разумеется, не знает, как долго продлится действие сегодняшней протекционистской волны, получившей у западных экспертов хлесткое определение «третьей мировой экономической войны»

[15], каков ее невыбранный потенциал, когда и насколько ослабнет геополитическая напряженность. Поэтому второй группой глобальных мета-рисков определим геополитическую неопределенность. Вряд ли можно рассчитывать на появление некоего общепринятого интегрального индекса ее оценки², равно как и ожидать составления своего рода универсального алгоритма контрмер. Общим подходом здесь, полагаем, можно считать разработку стратегии экономического роста с опорой на комплексное задействование внутренних возможностей и перспектив закрепления на мировых рынках товаров, услуг, капитала и технологий. Однако его реализацию осложняют резко активизировавшиеся в последние годы протекционистско-популистские и техно-националистические политики,³ нацеливающие на замену иностранных источников и офшорного производства внутренними ресурсами, ограничивая тем самым возможности ГЦС получать промежуточные товары и услуги. В развитых странах такой «вовнутрь» обращенный разворот экономической политики современные исследователи связывают, в частности, с утратой рабочих мест в промышленности, технологическими сдвигами [16], «китайским синдромом» [17]. При этом нередко признается, что ГЦСС, возглавляемые многонациональными корпорациями, обеспечивая глобальное взаимодействие, не всегда честно распределяли доходы между странами или звеньями цепочки [18, p. 988].

Найти «золотое сечение», или условную равновесную внутренней и внешней составляющих бизнес-стратегии, обеспечивающее искомый конечный результат – качественный экономический рост, крайне сложно. Один из вариантов ответа на вызовы «новой турбулентности» предложил Китай, выдвинувший концепцию «двойной циркуляции», названную в одной из англоязычных версий, отражающей точку зрения западных экспертов, “internal circulation” [5, p. 140]. В мае 2020 г. генеральный секретарь ЦК КПК Си Цзиньпин впервые публично назвал принципы дальнейшего развития государства: «сочетание открытости китайской экономики мировым рынкам и расширение

² Попытки составить подобный индекс, безусловно, предпринимались. В качестве примера можно назвать индекс геополитических рисков (Geopolitical Risk Index / GRI), предложенный специалистами ФРС США Д. Калдара и М. Йаковелло. Индекс рассчитывается по количеству статей, освещающих конкретное негативное событие в ведущих американских изданиях (в десяти газетах – с 1985 г., в трех – с 1900 г.) как доля в общем количестве новостных публикаций за месяц. <https://www.policyuncertainty.com/gpr.html> (дата обращения: 28.01.2024).

³ Под техно-национализмом экспертами ВТО понимается разновидность меркантилизма, в своей экстремальной форме предполагающая введение ограничений на экспорт технологий, инноваций и ноу-хау с целью максимизации геополитических преимуществ технологической «самости» и могущества государства [5, p. 136].

внутреннего спроса», составившие концептуальную суть стратегии «двойной циркуляции», подразумевающей «ставку на импортозамещение и технологический суверенитет» [19, с. 18]. Это именно не изоляция страны, а «перезагрузка политики открытости». Китай продолжает участвовать в глобализации, но «существенно наращивает степень своей защиты от внешнего давления, ограничений и санкций» [20, с. 22].

Кстати, такой подход стран к максимально возможному задействованию внутренних резервов многими специалистами объясняется реакцией на эскалацию тарифных и нетарифных ограничений, запретов на иностранные инвестиции, сделки слияния и поглощения в отдельных секторах, пр. Причем эти «недружественности» уже даже не скрываются. Президент Д. Байден, например, предельно открыто пояснил американскую стратегию в этой части: «США сделают все возможное, чтобы Китай никогда не смог догнать Америку в плане технологического развития» [21].

Геоэкономическая фрагментация в условиях усиливающейся неопределенности и разворота к внутренним опорным точкам роста, как свидетельствуют эксперты, в большей степени умножается рисками от деятельности ГЦС, нежели создает угрозы для деятельности ГЦС [5, р. 137]. Главный из них – риск от деятельности становящихся все более знаниеемкими ГЦС – состоит в ограничении диффузии технологий, что обнуляет прогнозируемый выигрыш от ставки на «саморазвитие». Главный риск для деятельности ГЦС в этом случае состоит в усилении торговой неопределенности.

Для его оценки в 2018 г. группа экспертов МВФ предложила индекс неопределенности мировой торговли (World Trade Uncertainty / WTU), впервые рассчитанный в поквартальной динамике с 1996 г. для 143 стран с населением от 2 млн человек в каждой, на которые приходилось 99% мирового ВВП [22, р. 1]. До этого предлагались инструменты оценки неопределенности экономической политики США (Economic Policy Uncertainty Index/ за авторством С. Бэйкера, Н. Блума и С. Дэвиса), глобальной экономики в целом (IndexBlackRock⁴) или в выборке на 44 страны (индекс С. Хлэтсвайо) [23]. Информационной базой для расчета WTU-индекса послужили 12 868 квартальных докладов European Intelligence Unit / EIU (исследовательско-аналитическое подразделение Economist Group), регулярно составляемых по стандар-

⁴ Фирма BlackRock составляет BlackRock Geopolitical Risk Indicator, настраиваемый главным образом под запросы инвесторов, по частоте упоминания в отчетах брокеров (сайт Refinitiv) и в финансовых обзорах (Dow Jones News) событий в увязке с конкретными геополитическими рисками. <https://www.google.com/search?q=the+g+l+uncertainty+index+of+BlackRock&rlz> (дата обращения: 12.09.2023).

тизированной форме в разрезе 189 государств, что позволяет говорить об общей сводимости и сопоставимости анализируемых данных [22, р. 3]. В этих докладах⁵, как правило, все термины – «неопределенный», «неопределенность», «неопределенности» – применяются в контексте мировой торговли в сопряжении со словами «протекционизм», «тариф», ВТО, ЮНКТАД, др. Индекс рассчитывается по количеству упоминаний терминов в квартальных докладах ЕIU по странам в соотношении с общим количеством использованных в докладе слов, а частное от деления умножается на 1 000.

Как показал анализ специалистов МВФ, WTU-индекс почти 20 лет оставался в целом стабильным, находясь в диапазоне 0–10. Однако в результате американо-китайской торговой войны в районе III квартала 2018 г. взлетел десятикратно – почти до 110 пунктов. На середину 2019 г. наибольший рост WTU-индекса зафиксирован в западном полушарии и АТР, а наименьший – в Европе, Центральной Азии и Африке [23]. Нетрудно предположить, что события 2022–2023 гг. «подтолкнули» WTU-индекс к росту в целом, особенно в Европе. Для европейского хаба ГЦС это уже обернулось существенным увеличением реальных торговых издержек: только отказ от поставок энергетического сырья из России обошелся экономике Европы в 1 трлн евро дополнительных прямых затрат [24]. В конечном итоге речь идет о снижении взаимного доверия и уверенности в сохранении целостности ГЦС. Тогда как экономика будущего, контуры, формы и географии которой будут определять базирующиеся на широкомасштабных инвестициях в НИОКР новейшие технологии bigdata, искусственного интеллекта (ИИ), интернета вещей, «облачных» технологий, углеродной нейтральности, др., требует для обеспечения их успешного проникновения в мировое хозяйство объединения глобальных усилий.

Вызовы цифровизации

Вызовы цифровизации глобального хозяйства формируют третий блок мета-рисков в мировой экономике. Для удобства рассмотрения сведем ключевые из них в три группы: риски, порожденные взрывным ростом информационно-коммуникационных технологий (ИКТ), обострение цифрового неравенства, технологические угрозы. Предварим их анализ кратким напоминанием о том, что огромные преимущества

⁵ В пятиступенчатом процессе подготовки WTU-докладов – от написания до издания – участвует рассредоточенная по всему миру сеть «полевых экспертов» (field experts) и экспертов-«страновиков», работающих в штаб-квартире ЕIU, каждый из которых ведет две-три страны, регулярно выезжая на место для личного ознакомления с ситуацией [22, р. 3].

цифровизации – снижение информационных барьеров, дополнительные возможности повысить эффективность производства, нивелирование действия эффекта масштаба, пр. – не требуют детализации, так как достаточно подробно разобраны в экономической литературе. При этом многие выгоды от применения ИКТ – экономия времени, расширение сферы выбора для потребителей, доступ к новым знаниям, улучшение качества свободного времени, пр. – остаются пока неперсчитанными. Одновременно выяснилось, что растущая диджитализация порождает угрозы национальной безопасности и умножает риски вторжения в частную жизнь граждан. При создании ГЦС приходится учитывать эти риски и искать адекватные решения самым острым из них.

Сначала рассмотрим первую группу ИКТ-рисков. Из главных отметим, во-первых, избыточную концентрацию рынков с разрастанием монополизма, который может тормозить инновации; во-вторых, усиление неравенства на рынке труда, когда использование интернета поднимает автоматизацию производства до уровня, которому производственная квалификация работника не сможет соответствовать; в-третьих, распространение интернета позволяет преодолевать информационные барьеры, особенно по доставке услуг пользователям, но в то же время требует контроля за ходом информационно-коммуникационных процессов, затраты на осуществление которого нередко перевешивают получаемые блага.

В порядке расшифровки возможных ИКТ-рисков обратим внимание только на один момент – на угрозу сохранения хорошо оплачиваемой «беловоротничковой» (даже в большей степени, чем «синеворотничковой») занятости. Например, в развивающихся странах $\frac{2}{3}$ рабочих мест с технологической точки зрения могут быть автоматизированы, но этот процесс сдерживают более низкие зарплаты и более медленное распространение технологий [25, р. 23]. В ситуации все большей поляризации рынка труда, когда сокращается занятость в секторе, требующем среднего уровня квалификации, но обостряется в верхнем (высококвалифицированные специалисты) и в нижнем (малоквалифицированный труд) сегментах⁶, главная задача политиков и бизнеса состоит в состыковке роста технологий и развития образования, так как победителем в технологической гонке выйдет тот, кто обеспечит непрерывность образовательного процесса для максимального использования преимуществ цифровизации.

⁶ В условиях цифровизации самой уязвимой категорией на рынке труда являются занятые в неформальном секторе (the informal sector), на которых приходится 60% мировой рабочей силы [26, р. 32].

Пользование преимуществами новых технологий сопровождается нарастанием цифрового неравенства. За отправную точку здесь принимается понимание интернета не как в полном смысле общественного блага – ведь за него приходится платить, а как своего рода «клубного» блага, не порождающего соперничества за право обладания им [25, р. 23]. Его потребление не уменьшает доступность блага для других пользователей, разве только сказываясь на возможном замедлении доставки той же информации другому лицу. И здесь выясняется крайне важный момент. С одной стороны, благодаря провайдерам 3G-связи, взявшим на себя расходы «последней мили» по доставке интернета потребителям, доступность широкополосного интернета (ШПИ) для земель существенно возросла. Если в 2015 г. 21% населения мира находился вне зоны принятия сигнала беспроводного ШПИ, то в 2018 г. – только 8%, правда, в Северной Америке – 1%, а в Африке южнее Сахары – 29%. С другой стороны, важнее факт использования имеющихся возможностей. На деле в 2018 г. 42% жителей планеты (3,1 млрд человек), даже находясь в зоне покрытия ШПИ, его не использовали (в том числе 64% – в Южной Азии) против 37% в 2015 г. Другими словами, число не пользующихся интернетом людей (3,8 млрд человек в абсолютном исчислении на 2018 г.) [27, р. 161] продолжает расти, формируя увеличивающуюся прослойку «цифровых изгоев» (digital underclass) [26, р. 33]. Ее подпитывают бедные категории населения стран с низким и средним уровнем доходов, малообразованные, пожилые, а также гендерный разрыв (по подсчетам, в мире женщин – пользователей интернетом примерно на 250 млн меньше, чем мужчин), что с укоренением Internet 3.0 – периферийные вычисления, блокчейн, 5G на базе искусственного интеллекта, интернет вещей / интернет роботизированных вещей – будет только обострять «цифровой стресс» [28, р. 46, 50].

Одновременно на другом полюсе цифрового неравенства происходит концентрация цифрового могущества. Так, на 2021 г. шесть компаний США – Google, Netflix, Facebook (с 2021 г. принадлежит корпорации Meta, которая в 2022 г. признана экстремистской и запрещена в РФ [29, с. 19]), Microsoft, Apple, Amazon – генерировали 43% глобального потока интернет-информации [27, р. 99], а на пять ведущих мировых биг-техов приходилось 23% (плюс 4,6% к 2020 г.) рыночной капитализации компаний из рейтинга S&P 500 [26, р. 99]. В том же 2021 г. риск цифрового неравенства, кстати, занял 5-е место в числе ключевых (на горизонте ближайших 2-х лет) глобальных рисков рейтинга Всемирного экономического форума (ВЭФ-2021), собрав 38,3% ответов респондентов и превзойдя по остроте даже вероятность атак террористов (37,8%) [26, р. 11]. В докладе ВЭФ-2023, в силу наложения геополитической конфронтации, продовольственного и энергетического кризисов проблема цифрового неравенства отошла на второй план. При

этом риск более широкой социальной поляризации поднялся как бы на исходное, 5-е место [7, р. 6, 11].

В последнее время все более актуальным становится риск превосходства машинного разума над человеческим, то есть вытеснение *homo economicus* «кремниевым человеком» (*homo silicus*) [30]. В конце марта 2023 г. свыше 1 тыс. представителей мировой ИКТ-индустрии, в том числе И. Маск, С. Возняк, др. опубликовали открытое письмо с призывом немедленно приостановить, хотя бы на полгода, разработки более мощных, чем ChatGPT-4, ИИ-сервисов для подготовки протоколов безопасности в сфере искусственного интеллекта [31]. Особого внимания требует изменение природы угроз национальной и международной безопасности по мере распространения гибридных конфликтов. В зарубежной экспертной среде их часто определяют как мультидоменные, одновременно идущие в наземной, воздушной, морской, космической и киберпространственной сферах, что размывает принятое определение конвенционных боевых действий [7, р. 40]. Более глубокую трактовку, учитывающую новейшие геополитические реалии, предлагают российские специалисты, когда «гибридной (или, точнее, системной) признается война на поле боя, в военно-промышленном комплексе, экономике, политике, культуре, спорте, науке, образовании, СМИ и киберсреде» [32]. В гибридной войне, предполагающей «уничтожение атакуемой сущности», поле боя переносится в энергоинформационное пространство. Поэтому нонкомбатантов в ней быть не может, а «активности сворачиваются только в случае окончательной победы» [33, с. 57].

Заключение

При всей остроте дискуссий на тему начавшейся деглобализации, порожденных экономическими и политическими турбулентностями современного мира, наша сегодняшняя действительность остается «миром созависимостей» [34], опосредуемых потоками товаров, услуг, капитала, информации. В мире нет ни одного абсолютно самодостаточного региона. Поэтому приоритетом остается сохранение преимуществ взаимозависимости стран, но при одновременном учете возникающих рисков и управлении ими и нейтрализации отрицательных последствий сложившихся зависимостей, особенно когда их источник и место основного производства в современной мирохозяйственной практике совпадают.

На сегодняшний день однозначного ответа на вопрос о будущем глобализации, а следовательно, и об исчерпании ресурсов нынешней ИКТ-революции, у специалистов нет. На наш взгляд, глобализация продолжается, но переходя на новый этап своего развития, трансфор-

мируется в новое качество, в том числе путем цифровизации (интернетизации) глобальной экономики. Можно допустить, что в ходе этих процессов действие отдельных драйверов развития замедлилось, а какие-то из них запустили деглобализационные эффекты. Мы полагаем, что при поиске вариантов «перебалансировки» глобальных цепочек взаимодействия здравый смысл должен подсказать необходимость сконцентрировать главные усилия на развороте наметившегося дробления геоэкономического пространства, предотвращении торможения развития знаниеемких отраслей и общего сжатия человеческого капитала.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Лобыкин А.* «Параллельный» турецкий поток пока не иссяк // Эксперт. 2023. № 12. С. 20–22.
2. *Столяров А.* Зеленая эпоха уходит // Эксперт. 2023. № 15. С. 13–17.
3. *Дмитриев С.С.* Перезагрузка курса на восстановление промышленного потенциала США // Мировая экономика и международные отношения. 2022. Т. 66. № 8. С. 61–69. DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-08-61-69>.
4. *Макаров И.А.* Таксономия торговых барьеров: пять типов протекционизма // Современная мировая экономика. 2023. Т. 1. № 1. С. 74–94.
5. *Global Value Chain Development Report 2021. Beyond Production.* Geneva: World Trade Organization, 2021.
6. *White House. Building Resilient Supply Chains, Revitalizing American Manufacturing, and Fostering Broad-Based Growth.* 100-day reviews under Executive Order 14017. A report by the White House: Washington, 2021.
7. *The Global Risks Report 2023.* 18th edition. Geneva: World Economic Forum, 2023.
8. *Samuelson P.* Where Ricardo and Mill Rebut and Confirm Arguments of Mainstream Economists Supporting Globalization // Journal of Economic Perspectives. 2014. Vol. 18. No. 3. Pp. 135–146. DOI: 10.1257/0895330042162403.
9. *Bhagwati J., Panagariya A., Srinivasan T. N.* The Muddles Over Outsourcing // Journal of Economic Perspectives. 2004. Vol. 18. No. 4. Pp. 93–114. DOI: 10.1257/0895330042632753.
10. *Dixit A. K., Grossman G. M.* The Limits of Free Trade // Journal of Economic Perspectives. 2005. Vol. 19. No. 3. Pp. 241–244. DOI: 10.1257/089533005774357789.
11. *Kowalski P., Lopez-Gonzalez J., Ragoussis A., Ugarte C.* Participation of Developing Countries in Global Value Chains: Implications for Trade and Trade-Related Policies. Paris: OECD trade policy papers. 2015. No. 179. DOI: dx.doi.org/10.1787/5js331fw0xxn-en.
12. *Antràs P.* Conceptual Aspects of Global Value Chains. Washington: World Bank Group, World Development Report 2020 Team Policy Research Working Paper 9114, 2020.
13. *Lund S. et al.* Risk, Resilience, and Rebalancing in Global Value Chains. The McKinsey Global Institute, 2020.
14. *Узяков М.* Императивный прогноз: год 2023-й // Эксперт. 2023. № 9. С. 20–21.
15. *Огородников Е.* Не говорите Макрону, он им не родной // Эксперт. 2022. № 47. С. 9.

16. *Acemogly D., Restrepo P.* Robots and Jobs: Evidence from US Labor Markets. Washington: National Bureau of Economic Research Working Paper. No. 23285. 2017.
17. *Autor D.H., Hanson G.* The China Syndrome: Local Labor Market Effects of Import Competition in the United States // *American Economic Review*. 2013. Vol. 103. No. 6. Pp. 2121–2168. DOI: 10.1257/aer.103.6.2121.
18. *Meng B., Ye M., Wei S-J.* Measuring Smile Curves in Global Value Chains // *Oxford Bulletin of Economics and Statistics*. 2020. Vol. 82. Iss. 5. Pp. 988–1016. DOI: <https://doi.org/10.1111/obes.12364>.
19. *Смирнов А., Сысов Т., Скоробогатый П.* Переосмысление лидерства и возвращение идеологии: что обещает Си Цзиньпин // *Эксперт*. 2022. № 43. С. 13–19.
20. *Ивантер А.* Тысяча ли до могущества // *Эксперт*. 2022. № 43. С. 20–22.
21. *Магдалинская Ю.* Компартия Китая идет в будущее // *Дыхание Китая*. 2022. 10 ноября. № 254. С. 7.
22. *Ahir H., Bloom N., Furcery D.* The World Uncertainty Index. Washington: International Monetary Fund, 2018.
23. *Ahir H., Bloom N., Furcery D.* New Index Tracks Trade Uncertainty Across the Globe. IMF Blog. 2019, September 9. <https://www.imf.org/en/Blogs/Articles/2019/09/09/blog-new-index-tracks-trade-uncertainty-across-the-globe> (дата обращения: 12.11.2023).
24. *Огородников Е.* Кризис? Нет, не вижу // *Эксперт*. 2023. № 7. С. 9.
25. *World Development Report 2016.* Digital Dividends. Washington: World Bank, 2016.
26. *The Global Risks Report 2021.* 16th edition. Geneva: World Economic Forum, 2021.
27. *World Development Report 2021.* Data for Better Lives. Washington: World Bank, 2021.
28. *The Global Risks Report 2022.* 17th edition. Geneva: World Economic Forum, 2022.
29. *Обухова Е.* От соцсети к суперашу и обратно // *Эксперт*. 2023. № 23. С. 18–24.
30. *Бутрин Д.* Проверьте сначала на роботах // *Коммерсантъ*. 2023. 12 апреля. № 63. С. 2.
31. *Кучерена А.* Электронный апокалипсис // *Российская газета*. 2023. 12 апреля. № 78. С. 7.
32. *Зорькин В.* Реформатор – элита – народ // *Российская газета*. 2023. 15 мая. № 103. С. 13.
33. *Скоробогатый П.* Гибридная война абсолютно тотальна. Нонкомбатантов больше нет // *Эксперт*. 2023. № 21. С. 56–61.
34. *Seong J. et al.* Global Flows: The Ties That Bind in an Interconnected World. The McKinsey Global Institute discussion paper, 2022 // <https://www.mckinsey.com/capabilities/strategy-and-corporate-finance/our-insights/global-flows-the-ties-that-bind-in-an-interconnected-world/> (дата обращения: 15.09.2023).

REFERENCES

1. *Labykin A.* The “parallel” Turkish flow has not yet dried up // *Expert*. 2023. No. 12. Pp. 20–22. (In Russ.).
2. *Stolyarov A.* The green era is leaving // *Expert*. 2023. No. 15. Pp. 13–17. (In Russ.).
3. *Dmitriev S.S.* Rebooting the course towards restoring the industrial potential of the United States // *World Economy and International Relations*. 2022. T. 66. No. 8. Pp. 61–69. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2022-66-08-61-69>.
4. *Makarov I.A.* Taxonomy of trade barriers: five types of protectionism // *Modern World Economy*. 2023. T. 1. No. 1. Pp. 74–94. (In Russ.).

5. Global Value Chain Development Report 2021. Beyond Production. Geneva: World Trade Organization, 2021.
6. White House. Building Resilient Supply Chains, Revitalizing American Manufacturing, and Fostering Broad-Based Growth. 100-day reviews under Executive Order 14017. A report by the White House: Washington, 2021.
7. The Global Risks Report 2023 18th edition. Geneva: World Economic Forum, 2023.
8. Samuelson P. Where Ricardo and Mill Rebut and Confirm Arguments of Mainstream Economists Supporting Globalization // Journal of Economic Perspectives. 2014. Vol. 18. No. 3. Pp. 135–146. DOI: 10.1257/0895330042162403.
9. Bhagwati J., Panagariya A., Srinivasan T.N. The Muddles Over Outsourcing // Journal of Economic Perspectives. 2004. Vol. 18. No. 4. Pp. 93–114. DOI: 10.1257/0895330042632753.
10. Dixit A.K., Grossman G.M. The Limits of Free Trade // Journal of Economic Perspectives. 2005. Vol. 19. No. 3. Pp. 241–244. DOI: 10.1257/089533005774357789.
11. Kowalski P., Lopez-Gonzalez J., Ragoussis A., Ugarte C. Participation of Developing Countries in Global Value Chains: Implications for Trade and Trade-Related Policies. Paris: OECD trade policy papers. 2015. No. 179. DOI: dx.doi.org/10.1787/5js33lwf0xxn-en
12. Antràs P. Conceptual Aspects of Global Value Chains. Washington: World Bank Group, World Development Report 2020 Team Policy Research Working Paper 9114, 2020.
13. Lund S. et al. Risk, Resilience, and Rebalancing in Global Value Chains. The McKinsey Global Institute, 2020.
14. Uzyakov M. Imperative forecast: year 2023 // Expert. 2023. No. 9. Pp. 20–21. (In Russ.).
15. Ogorodnikov E. Don't tell Macron, he's not their loved one // Expert. 2022. No. 47. P. 9. (In Russ.).
16. Acemogly D., Restrepo P. Robots and Jobs: Evidence from US Labor Markets. Washington: National Bureau of Economic Research Working Paper, No. 23285. 2017.
17. Autor D.H., Hanson G. The China Syndrome: Local Labor Market Effects of Import Competition in the United States // American Economic Review. 2013. Vol. 103. No. 6. Pp. 2121–2168. DOI: 10.1257/aer.103.6.2121.
18. Meng B., Ye M., Wei S-J. Measuring Smile Curves in Global Value Chains // Oxford Bulletin of Economics and Statistics. 2020. Vol. 82. Iss. 5. Pp. 988-1016. DOI: https://doi.org/10.1111/obes.12364.
19. Smirnov A., Sysoev T., Skorobogaty P. Rethinking leadership and returning ideology: what Xi Jinping promises // Expert. 2022. No. 43. Pp. 13–19. (In Russ.).
20. Iwanter A. A thousand li to power // Expert. 2022. No. 43. Pp. 20–22. (In Russ.).
21. Magdalinskaya Yu. The Chinese Communist Party is moving into the future // Breath of China. 2022. November 10. No. 254. P. 7. (In Russ.).
22. Ahir H., Bloom N., Furcery D. The World Uncertainty Index. Washington: International Monetary Fund, 2018.
23. Ahir H., Bloom N., Furcery D. New Index Tracks Trade Uncertainty Across the Globe. IMF Blog. September 9, 2019. <https://www.imf.org/en/Blogs/Articles/2019/09/09/blog-new-index-tracks-trade-uncertainty-across-the-globe> (дата обращения: 12.11.2023).
24. Ogorodnikov E. Crisis? No, I don't see // Expert. 2023. No. 7. P. 9. (In Russ.).
25. World Development Report 2016. Digital Dividends. Washington: World Bank, 2016.
26. The Global Risks Report 2021 16th edition. Geneva: World Economic Forum, 2021.

27. World Development Report 2021. Data for Better Lives. Washington: World Bank, 2021.
28. The Global Risks Report 2022 17th edition. Geneva: World Economic Forum, 2022.
29. *Obukhova E.* From social network to superapp and back // *Expert*. 2023. No. 23. Pp. 18–24. (In Russ.).
30. *Butrin D.* Test first on robots // *Kommersant*. 2023. April 12. No. 63. P. 2. (In Russ.).
31. *Kucherenina A.* Electronic apocalypse // Russian newspaper. 2023. April 12. No. 78. P. 7. (In Russ.).
32. *Zorkin V.* Reformer – elite – people // Russian newspaper. 2023. May 15. No. 103. P. 13. (In Russ.).
33. *Skorobogaty P.* Hybrid war is absolutely total. There are no more non-combatants // *Expert*. 2023. No. 21. P. 56–61. (In Russ.).
34. *Seong J. et al.* Global Flows: The Ties That Bind in an Interconnected World. The McKinsey Global Institute Discussion Paper, 2022 // <https://www.mckinsey.com/capabilities/strategy-and-corporate-finance/our-insights/global-flows-the-ties-that-bind-in-an-interconnected-world#/>(дата обращения: 15.09.2023).

Дата поступления рукописи: 09.01.2024 г.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Мальцев Андрей Александрович – доктор экономических наук, профессор, ведущий научный сотрудник ФГБУН Институт экономики УрО РАН, Екатеринбург, Россия

ORCID: 0000-0002-3774-6311

maltsevaa@list.ru

ABOUT THE AUTHOR

Andrey A. Maltsev – Dr. Sci. (Econ.), Professor, Leading Researcher, Institute of Economics of the Ural Branch of the RAS, Ekaterinburg, Russia

ORCID: 0000-0002-3774-6311

maltsevaa@list.ru

GLOBAL META-RISKS IN THE POST-COVID ERA

In the context of the discussion on deglobalization in economic literature, that has been intensified by the slowdown in globalization processes since the early 2010s, there was made an attempt to systemize the key challenges of the world economy at the current stage. Three enlarged clusters of global meta-risks were identified: the rise of protectionism, geopolitical uncertainty, digitalization challenges. Their consideration was based on the scheme of structuring the consequences that arise for and from the activities of the GVCs. The main conclusion was that our present reality remains as codependent world.

Keywords: *geopolitical uncertainty, global meta-risks, global value chains, digitalization of the world economy, technological protectionism.*

JEL: F02, F15, F23.